

рыя, по взгляду самого Никольскаго, „были несомнѣнно изящными, благородными и гуманными“, имѣли свою долю вліянія среди увлеченій Пушкина, которыя, съ другой стороны, именно со стороны его стремленій въ кругъ золотой молодежи, дѣйствительно нерѣдко бывали не весьма симпатичны. Въ эту эпоху броженія идей, и въ другомъ кругу, возникали въ его умѣ и поэтической фантазіи тѣ запросы, которые именно не мало помогли ему сохранить идеальныя стремленія въ наступившій потомъ періодъ подавляющей консервативной прозы и рутины, которыя стали господствовать со второй четверти столѣтія. Какъ въ исторіи самого русскаго общества не безслѣдно прошли увлеченія людей двадцатыхъ годовъ, при всей ихъ фантастичности, — потому что, за исключеніемъ крайностей, они оставались напоминаніемъ жизненного, общественнаго и народнаго интереса, который былъ обязателенъ для людей мыслящихъ (вспомнимъ, какъ примѣръ, убѣжденіе о необходимости освобожденія крестьянъ, впервые твердо развитое этими людьми двадцатыхъ годовъ), — такъ это время и связи съ тогдашними людьми не прошли безслѣдно для самого Пушкина. Его сильному уму скоро стала ясна невозможность какихъ-нибудь политическихъ затѣй, но съ нимъ навсегда остались идеальныя представленія о служеніи обществу, — представленія, которыхъ никакъ не могла бы дать ему упомянутая консервативная рутина (которой хотѣтъ сдѣлать его выразителемъ!) и которыя принадлежатъ порѣ его увлеченій въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Говоря недавно ¹⁾ объ эпохѣ и людяхъ, непосредственно предшествовавшихъ Пушкину, мы видѣли, до какой степени даже въ лучшихъ талантахъ того времени (Жуковский, Батюшковъ и др.) мало развито было и чувство общечеловѣчности, и чувство народности, и тотчасъ послѣ нихъ въ ихъ ближайшемъ преемникѣ находимъ глубоко развитымъ то и другое; и если мы встрѣчаемъ Пушкина двадцатыхъ годовъ въ средѣ энтузіастовъ того времени, съ которыми онъ дѣлитъ свои мечты о будущемъ русскаго народа, то, очевидно, нѣтъ возможности отрицать его солидарность съ этими людьми. Въ послѣдующіе годы, до конца его жизни, когда изображаютъ намъ Пушкина освобожденнымъ отъ „шелухи“ его старыхъ либеральныхъ заблужденій, мы находимъ къ удивленію, что онъ, напротивъ, хранить о тѣхъ временахъ и людяхъ самую теплую память, вы-

и броженіе шло далѣе и далѣе, пока, наконецъ, не разразилось роковымъ кризисомъ 14-го декабря“.

¹⁾ См. „Вѣстн. Евр.“, сентябрь: „Наканунѣ Пушкина“.